Маша Дубровская

ИЗМЕНА
Последний тост

Маша Дубровская

Измена. Последний тост

https://litres.ru/74631188
SelfPub; 2026

Аннотация

— Мой Петя владеет сетью ресторанов! Неделю назад он встал на колено и сделал мне предложение!

Моя клиентка молода, беременна и сияет от счастья. Она ждёт жениха, чтобы он одобрил квартиру к свадьбе.

Моего мужа тоже зовут Петя, и у него тоже пять ресторанов. Я уговариваю себя, что это совпадение, пока не открывается дверь.

На пороге стоит мой муж с огромным букетом алых роз...

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Маша Дубровская
Измена. Последний тост

Глава 1

28 декабря

Моя клиентка Кристина влетает в квартиру, как солнечный луч в пыльную комнату — яркая, звонкая, переполненная счастьем до краев.

— Валентина, здравствуйте! Это точно судьба! Какой же шикарный дом и так тихо для центра, я уже влюбилась и все, я ее беру!

— Вы же еще не видели квартиру, — удивляюсь я.

Третий раз встречаюсь с этой клиенткой, и до этого она крутила носом и ей ничего не нравилось, а сейчас, даже не посмотрев квартиру, она заявляет, что берет ее! Нет, все же гормоны имеют огромную власть над женщиной!

Кристина стоит в прихожей, крутит на пальце кольцо с бриллиантом размером с горошину и поглаживает небольшой животик под кашемировым пальто. Молодая, лет двадцать пять, не больше, светлые локоны, румяные щеки — вся светится, будто внутри лампочку включили. От нее пахнет дорогими духами, чем-то цветочным и свежим, и этот запах заполняет всю прихожую, вытесняя запах свежей краски.

— Пойдемте, покажу комнаты, — я улыбаюсь и веду клиентку вглубь квартиры.

— Интуиция меня редко подводит! Мне все нравится! Петя будет в восторге! — Кристина заглядывает в каждый угол, щупает обои, выглядывает в окна, кружится по комнате, как ребёнок в магазине игрушек. — Он хочет, чтобы все было идеально к свадьбе, он такой внимательный, вы не представляете! Каждый день цветы присылает, каждый день! Вчера розы, сегодня пионы, я один раз сказала, что люблю пионы, а он запомнил!

Да, некоторым женщинам везет. Мой Петя не дарил цветы уже три года, я даже не помню, когда это было в последний раз. На годовщину он сделал мне перевод на карту и прислал сообщение: «Купи себе что-нибудь, я на совещании». Я тогда купила орхидею в горшке, хотела, чтобы дома было что-то живое и красивое, но она засохла через месяц, а муж сказал, что она только место на подоконнике занимала.

— Мой Петя — владелец сети ресторанов, — продолжает щебетать Кристина, разглядывая вид из окна. — У него пять точек по Москве! Это очень круто, он сам меню составляет и вникает в каждую мелочь. Ну он не сам готовит, конечно, но идеи все его, и рыба там просто умереть не встать!

Останавливаюсь посреди комнаты и чувствую, как что-то холодное сжимается внутри, под ребрами, там, где должно быть спокойствие. Моего мужа тоже зовут Петя и у него также пять ресторанов. Совпадение, говорю я себе, в Москве

тысячи Петров и сотни ресторанов, это просто совпадение, просто случайность.

— Он сделал предложение неделю назад! — Кристина сияет так, что на нее больно смотреть, как на солнце. — На колено встал, представляете! Я плакала от счастья! Он хочет большую семью и минимум троих детей, мы уже имена придумываем по вечерам!

Нет, это точно не мой. Мой еле-еле согласился на одного шесть лет назад, и через год у нас родилась Алиса. А когда я заговорила о втором ребенке, он морщился и отвечал, что бизнес отнимает все время, что сейчас не лучший момент, что потом, когда-нибудь, и это «когда-нибудь» растянулось на годы.

Звонок в дверь, и Кристина подпрыгивает от радости и хлопает в ладоши, как маленькая девочка:

— Это мой Петя, я попросила его приехать, он должен одобрить квартиру, он же у нас главный!

Она бежит открывать, стучат каблучки по паркету, звенят браслеты на запястье, а я стою посреди гостиной и уговариваю себя: это другой Пётр, просто совпадение, не может быть, это какой-то другой человек с таким же именем и такими же ресторанами, мало ли в Москве успешных мужчин...

Дверь распахивается, и на пороге появляется мой муж — в том сером пальто в ёлочку, которое мы вместе выбирали в прошлом году в Париже, и с букетом роз в руках: огромным, роскошным, алые бутоны в хрустящей упаковке.

Три секунды тишины, я считаю их как удары сердца, и за эти три секунды вижу все: как улыбка сползает с его лица, как в его глазах вспыхивает не вина и не страх, а злость, глухая, тяжелая, будто это я виновата, что стою здесь, будто это я все испортила своим присутствием.

Букет падает на пол и розы рассыпаются по светлому ламинату.

— Петя, что случилось? — голос Кристины дрожит, она переводит взгляд с него на меня и обратно, прижимая руку к животу, защищая маленького человечка внутри.

Он молчит, смотрит на меня точно таким взглядом, которым смотрел, когда я спрашивала, почему он приходит так поздно и почему не берет трубку по вечерам, — взглядом человека, которого застали врасплох.

— Мы знакомы с вашим женихом, — говорю я, и мой голос звучит удивительно ровно, будто это не я говорю, а женщина, у которой не рушится сейчас мир. — Он восемь лет как мой муж.

Кристина прижимает обе руки к животу, и в ее глазах что-то гаснет, как свечу задули.

— Ты же говорил, что разведен, — ее голос срывается, дрожит, — ты говорил, что бывшая жена живет в Питере и что вы плохо расстались...

— Мы не будем здесь это обсуждать, — обрывает Пётр тем тоном, которым разговаривает со своими менеджерами, и поворачивается ко мне. — Поговорим дома.

И уходит, просто разворачивается и уходит, перешагнув через рассыпанные розы, оставив плачущую Кристину в дверях, оставив меня посреди чужой квартиры, которая должна была стать чьим-то счастливым гнездышком.

— Я не знала, клянусь, он сказал, что вы давно расстались, что у вас все кончено, — она размазывает тушь по щекам, всхлипывает, и мне хочется ее ненавидеть, но не получается.

Смотрю на ее живот, на кольцо, которое теперь кажется не наградой, а наручниками, на дрожащие губы — и понимаю, что она такая же жертва, просто еще не знает об этом, еще верит, что все как-то образуется.

— Квартира хорошая, если решите брать — звоните, — говорю я и убегаю, потому что оставаться здесь больше нет сил, потому что стены этой квартиры впитали слишком много чужого горя за последние пять минут.

Выхожу из подъезда и не помню, как спустилась по лестнице.

Ноги несут сами, мимо консьержки, которая что-то говорит мне вслед, мимо мужчины с ёлкой, который придерживает дверь, мимо детей, которые лепят снеговика во дворе. Мир продолжает жить, будто ничего не произошло и не рухнуло только что все, во что я верила восемь лет.

Глава 2

На улице снег падает крупными хлопьями, ложится на плечи, на волосы, на ресницы, а я стою у подъезда и не могу вспомнить, где припарковала машину. Мысли разбегаются, путаются, не складываются во что-то цельное, будто их слишком много и ни одной нужной.

Телефон вибрирует в кармане — сообщение от Петра: «Успокойся и езжай домой. Надеюсь, ты понимаешь, что истерики ничего не решат».

Успокоиться? Он хочет, чтобы я была спокойной. Чтобы пришла домой и выслушала его объяснения, кивая, как послушная кукла? Впрочем, чему я удивляюсь? Я такая и была все эти годы.

Стираю сообщение и со злостью швыряю телефон в сумку.

Урод! Ненавижу!

Нахожу машину за углом, сажусь на заледеневшее сиденье и включаю обогрев всего на максимум.

Восемь лет! Именно столько я была идеальной женой. Готовила ужины, гладила рубашки, растила дочь, умудрялась работать и молчала, когда хотелось кричать и бить тарелки.

«Терпи, Валечка, — говорила мама. — Мужчины не любят скандалов. Будь мудрой, и семья сохранится».

Вот тебе и терпение.

Вот тебе и мудрость.

Вот тебе и семья.

Он дарит ей цветы каждый день! Как в красивой сказке. Пытаюсь вспомнить, когда последний раз держала в руках букет, и не могу. Это было слишком давно или не было никогда.

Машина прогревается, стрелка на приборной панели дергается, и я выезжаю из двора. Цепляюсь взглядом за семью - молодая пара и маленькая девочка играют в снежки на площадке. Идеальная семья.

Как была и у меня. От этой мысли накрывается истерика. Слезы текут по щекам, я вытираю их рукавом пальто и понимаю, что почти не вижу дорогу. Светофоры расплываются цветными пятнами, машины гудят где-то рядом, но я не могу остановиться. Если остановлюсь — развалюсь прямо здесь, посреди московской улицы, за три дня до Нового года.

Петя запомнил, какие цветы любит его любовница! Неужели я для него была настолько не важна? Ведь он никогда не мог запомнить, что я ненавижу торт “Прага”. Он постоянно покупал его в кондитерской за углом. И каждый раз извинялся, что никак не может запомнить.

На перекрестке включается зеленый. Давлю на газ и в тот же миг замечаю темное пятно слева. Все происходит за секунду: удар, визг тормозов и глухой звук тела о капот.

Время останавливается, пока я вылетаю из машины:

— Господи... господи...

Мужчина лежит на спине. Глаза закрыты, темное пальто распахнулось, на виске кровь. Я падаю рядом на колени, не обращая внимания на грязную жижу из мокрого снега, и хватаю его за запястье — пульс есть.

— Вы меня слышите?! — кричу я, оглядываясь. — Скорую! Кто-нибудь!

Он открывает глаза — серые, с темными крапинками вокруг зрачка — и смотрит на меня так, будто пытается что-то понять. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, и я замечаю, что у него красивое лицо — резкое, с четкими скулами и волевым подбородком. Не мальчишеское, а мужское, взрослое. Ему лет сорок, может чуть меньше.

— Вы живы, — выдыхаю я. — Господи, вы живы...

— Кажется, да, — его голос низкий, чуть хрипловатый. Он пытается сесть, морщится от боли.

— Не двигайтесь! Я сейчас вызову скорую!

— Не надо, — он поднимает руку, останавливая меня. — Просто помогите встать.

— У вас кровь на голове!

— Ерунда, просто царапина, – на этих словах он прикасается ко лбу и морщится.

Он встает сам, пошатывается, и я инстинктивно хватаю его за локоть, чтобы поддержать. Под моей рукой твердые мышцы, он высокий, намного выше меня, широкоплечий. От него пахнет дорогим одеколоном — терпким, древесным, совсем не похожим на сладковатый запах, который предпо-

читает Петя.

— Вы точно в порядке? — спрашиваю я, не отпуская его руку.

— Выживу, — он хмуро смотрит на меня. — Вы плакали за рулем?

Я вздрагиваю:

— Откуда вы...

— Глаза красные, тушь размазана, губы… – он фокусируется на моих губах, и мое сердце как-то странно реагирует на это. – Искусаны. Совершенно точно вы плакали.

— Извините, — шепчу. — Мне очень жаль, я правда плакала, но я смотрела на дорогу и правила не нарушала...

— Зеленый свет был ваш, — прерывает он неожиданно мягко. — Это я виноват, слишком эмоциональный вышел разговор по телефону…

Он не успевает договорить, как рядом останавливается черный внедорожник, и из него выходит мужчина в строгом костюме — лет пятидесяти, подтянутый, с военной выправкой.

— Валентин Андреевич, вы в порядке?

— Да, Сергей Петрович. Небольшое недоразумение.

Валентин Андреевич. Надо же, как ему идет это красивое, старомодное имя.

— Нужно осмотреть вас, — мужчина в костюме смотрит на рану на виске с явным беспокойством.

— Сергей Петрович — мой помощник и по совместитель-

ству зануда, — представляет его Валентин, в голосе звучит легкая ирония. — Он считает, что любая царапина — повод для госпитализации.

— Потому что в прошлый раз «царапина» оказалась сотрясением, — парирует Сергей Петрович.

Они явно давно знают друг друга, это чувствуется по интонациям, по тому, как легко они общаются. Сергей Петрович достает из внедорожника аптечку, аккуратно обрабатывает рану Валентина антисептиком, заклеивает пластырем.

Пока я наблюдаю за всем этим, пропускаю несколько фраз, которыми мужчины обмениваются.

— Девушка, ваши документы, — вдруг раздается голос, и я вздрагиваю. Сергей Петрович рядом со мной, и в его взгляде ни капли теплоты, лишь подозрение.

— Документы? Зачем? Я же ничего не нарушила...

— Формальность для страховой.

Я достаю права дрожащими руками. Сергей Петрович фотографирует их, быстро что-то записывает в телефон.

— Валентина Геннадьевна Зимина, — читает он. — Тридцать три года. Место работы?

– Р-риэлтор… То есть агентство недвижимости “Премиум-сити”, – от страха выпаливаю я.

Валентин смотрит на меня с интересом:

— Риелтор? Тогда понятно, почему плакали. Клиенты довели?

Молча качаю головой. Не могу же я рассказать незнако-

мому человеку, что только что узнала о беременной любовнице мужа.

— Это личное, — выдавливаю из себя.

— Понятно, — он замолкает, и я чувствую, как он изучает меня взглядом — внимательно, оценивающе. Мне становится неловко под этим взглядом, я поправляю волосы и наугад вытираю размазанную под глазами тушь салфеткой.

— Валентин Андреевич, вам нужно ехать, — напоминает Сергей Петрович. — Встреча через полчаса.

— Да, точно, — Валентин смотрит на часы — дорогие, швейцарские, я замечаю логотип Patek Philippe. — Валентина Геннадьевна, я попрошу вас оставить свой номер телефона.

— Зачем?...

— Для страховой компании, – он снова на меня смотрит странным взглядом. Будь я помоложе и не в таком ужасном виде, я бы подумала, что в этом взгляде искра мужского интереса.

Но нет, что за выдумки. Морщусь сама себе от таких мыслей и диктую номер, Сергей Петрович записывает. Валентин садится в машину и опускает стекло:

— Валентина, езжайте осторожно. И постарайтесь не плакать за рулем. Это опасно для окружающих, – он снова одаривает меня улыбкой и поднимает стекло.

— Постараюсь, — шепчу я, смотря вслед удаляющемуся автомобилю.

Только сейчас понимаю, что все это время мое сердце билось не в моем обычном ритме — не от страха, а от чего-то другого. От того, как он смотрел на меня. От его голоса. От запаха его одеколона.

Сажусь в машину и смотрю на свое отражение в зеркале. Нос распух, выгляжу кошмарно. Ну почему этот симпатичный мужчина видел меня именно такой — в самый худший момент моей жизни.

Телефон снова вибрирует. Петя: «Где тебя носит? Дочку хотя бы забрала? Езжай домой, нам нужно поговорить».

Нужно поговорить. Он хочет объяснить, как так вышло, что у него беременная любовница, которой он покупает квартиру? Хочет попросить прощения? Или потребовать развод? Или попросит меня потерпеть еще немного, пока он разберется с ситуацией?

Так, подумаю обо всем этом попозже. Сейчас нужно забрать дочь. Может, съездим с ней в то новое детское кафе? А разговор с предателем подождет.

До детского сада доезжаю без происшествий.

— Мама, смотли! Я сама вылезала! Воспитательница сказала, что класиво! - Алиса радостно бежит ко мне с поделкой — бумажной снежинкой.

— Очень красиво, моя девочка, ты у меня такая умница, — целую ее в макушку, вдыхаю запах детского шампуня и яблочного сока. Она обнимает меня за шею, доверчиво прижимается, и я чувствую, как внутри что-то болезненно сжи-

мается.

Что я скажу ей, когда Петя уйдет? Как объясню, почему папа теперь живет в другом доме? Почему у него будет другая семья, другой ребенок?

— Мам, ты плачешь? — Алиса отстраняется, смотрит на меня широко распахнутыми карими глазами.

— Нет, зайка. Просто снежинка в глаз попала.

— Давай я подую? — она забирается на скамейку в раздевалке, встает на цыпочки серьезно дует мне в лицо, а я едва снова не рыдаю.

— Спасибо, малыш. Уже лучше. У меня идея: давай поедем в новое кафе с детской площадкой и выпьем какао с зефирками? – предлагаю я.

— Ула! Ула! Плекласная идея! – Алиска так радуется, что и мне становится чуточку легче.

Наверное, я трусиха, раз использую любой предлог, чтобы отсрочить встречу с мужем и неприятный разговор.

Просто я не знаю, что буду делать. Не знаю, хватит ли у меня сил уйти. Не знаю, хватит ли у меня сил остаться.

Сегодня утром я была просто женой, которая старалась быть хорошей.

А сейчас я понимаю, что понятия не имею, кто я теперь и кем стану завтра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.